

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ТЕКСТ ЕДИНИЦЕЙ ЯЗЫКА?

Текст является предметом анализа многих дисциплин: лингвистики, поэтики, риторики, семиотики и прагматики, герменевтики. По мнению М.М. Бахтина, текст «первичная данность <...> вообще всего гуманитарно-филологического мышления» [1, с. 297]. «Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [1, с. 297]. Можно понимать текст широко – «как всякий связный знаковый комплекс», тогда «и искусствоведение (музыковедение, теория и история изобразительных искусств) имеет дело с текстами (произведениями искусства)» [1, с. 297]. Кроме того, текст может быть станцован. Таким образом, текст – это любая знаковая последовательность.

Предметом лингвистики текста является последовательность знаков языка, которые не возникают и не функционируют раздельно. Любой языковой элемент строго подчиняется двум структурным измерениям человеческого языка – парадигматическому, представленному противопоставлениями в системе языка между единицами одного уровня, и синтагматическому, предполагающему соединение единиц одного уровня друг с другом или в составе единиц более высокого уровня.

Основные языковые единицы – это звук, морфема, лексема (слово), предложение, их различие состоит прежде всего в их функции. Звук (фонема) – мельчайшая единица, способная различать оболочку морфем и слов, то есть единица восприятия, морфема – единица значения, слово – главное средство наименования, предложение – единица, служащая для формирования и выражения мысли. Согласно принципу Э. Бенвениста объединение элементов одного уровня должно давать элемент другого уровня. Объединение предложений дает единицу, которую в лингвистической литературе называют по-разному. У Н.С. Поспелова это сложное синтаксическое целое (ССЦ), у Г.Я. Солганика – прозаическая строфа, у И.Р. Гальперина – сверхфразовое единство (СФЕ). И.Р. Гальперин понимает СФЕ как сложное структурное единство, которое состоит более чем из одного самостоятельного предложения, обладает смысловой целостностью и выступает как часть завершенной коммуникации [2, с. 69]. И.Р. Гальперин считает, что коммуникативная значимость СФЕ не является результатом простого сложения смыслов входящих в единство предложений, следовательно, рассматри-

вать эту единицу необходимо на более высоком уровне, чем предложение. Как предложение является единицей СФЕ, так СФЕ является единицей текста. Получается цепочка **предложение – СФЕ – текст**, в которой иногда выпадает среднее звено – СФЕ, т. к. в определенных условиях отдельное предложение может оказаться самостоятельным текстом, подобно тому, как слово – предложением. Примером текста-предложения может служить восклицание Архимеда «Эврика!».

«Любая языковая единица воспринимается как таковая, только если ее можно идентифицировать в составе единицы более высокого уровня», – писал Э. Бенвенист в своей известной работе «Уровни лингвистического анализа». По его мнению, на синтаксическом уровне заканчиваются собственно языковые явления, и начинается область речи, в которой нет таких определенных отношений, как в языке, и нет уровней, имеющих в языке. Именно здесь, то есть в речи, согласно данной точке зрения, находится текст. Подобное рассуждение находим у М.М. Бахтина в уже цитируемых нами заметках 1959–1961 годов, впервые опубликованных под заглавием «Проблемы текста» в журнале «Вопросы литературы» в 1976 году (год смерти Э. Бенвениста): «Высказывание (как речевое целое) не может быть признано единицей последнего, высшего уровня или яруса языковой структуры (над синтаксисом), ибо оно входит в мир совершенно иных отношений (диалогических), не сопоставимых с лингвистическими отношениями других уровней. <...> Целое высказывание – это уже не единица языка, а единица речевого общения, имеющая не значение, а *смысл* (то есть целостный смысл, имеющий отношение к ценности – к истине, красоте и т. п. – и требующий *ответного* понимания, включающего в себя оценку). Ответное понимание речевого целого всегда носит диалогический характер» [1, с. 322]. «Всякое высказывание всегда имеет адресата. <...> Но кроме этого адресата автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего *нададресата*, абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени» [1, с. 323]. М.М. Бахтин говорит о тексте как высказывании, имея в виду эстетический объект.

Сегодня к тексту относят не только роман, повесть или другое литературное произведение, но и научную статью, и статью в газете, и вопрос ученика, и ответ учителя на этот вопрос. Текст возникает в процессе коммуникации, то есть в процессе общения людей. «В речевом акте создается *текст*. Лингвисты обозначают этим термином не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое кем-то созданное (все равно – записанное или только произнесенное) «речевое произведение» любой протяженности – от однословной реплики до целого рассказа, поэмы или книги. Во внутренней речи создается «внутренний текст», то есть речевое произведение, сложившееся «в уме», но не воплотившееся устно или письменно» [9, с. 11]. Соотношение языка и речи и их отдельных аспектов Ю.С. Маслов иллюстрирует следующим образом:

И все-таки нельзя считать вопрос о месте текста решенным окончательно. М.М. Бахтин говорил о внутренней незавершенности своей фило-софско-филологической концепции [1, с. 380]. У А. Гардинера [3] грамматическая структура предложения – факт языка, а высказывание – факт речи. А.И. Смирницкий [3] относил к языку все то, что воспроизводится в речи (слова, фразеологизмы, морфологические формы), а к речи – все то, что производится в процессе коммуникации (словосочетания, конкретные предложения). По мнению Т. П. Ломтева, все лингвистические единицы являются единицами языка и речи: одной стороной они обращены к языку, другой – к речи [8]. Данная точка зрения может быть безоговорочно принята, когда речь идет о таких единицах, как фонема, морфема, слово. Фонема является составной частью морфемы, обе языковые единицы реализуются в речевых вариантах – звуках и морфах, также реализуется значение слова. Высказывание принято называть единицей речевого общения, хотя не всегда предложение и высказывание различают, иногда эти понятия используют как равнозначные. Единицу, большую, чем предложение, исследователи относят скорее к языковым явлениям. Н.С. Поспелов, например, свою работу, посвященную этой едини-

це, назвал «Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке». «Понятие прозаической строфы позволяет восстановить недостающие звенья при переходе от синтаксиса предложения к синтаксису целого текста», – пишет Г.Я. Солганик [11, с. 11]. Таким образом, не только прозаическую строфу (ССЦ, СФЕ), но и текст как само собой разумеющееся относят к языковым явлениям.

Г.В. Колшанский, исходя из положения «сущность языка состоит в том, что он нечто сообщает» [см. 5, с. 22], назвал текст главной единицей языка и установил соответствие уровней языковой системы уровням человеческого знания, правда, для этого ему пришлось «нарастить» языковые уровни:

№ уровня	Уровни знания	Уровни языка
6	Совокупное знание о мире	Вся совокупность текстов
5	Отрасль знания	Область текстов
4	Фрагмент знания	Текст
3	Суждение	Предложение
2	Понятие	Лексический
1	Незавершенное понятие	Морфологический
0	Различение понятий	Фонологический

Такое распределение уровней знания и уровней языка – от меньшего к большему, – на наш взгляд, можно назвать *принципом матрешки*. Э. Бенвенист, будь он хорошо знаком с русской игрушкой, вероятно, согласился бы с нами. Но вернемся к вопросу о месте текста.

У Колшанского текст, не нарушая языковой системы, получает свое место в ней (см. 4-й уровень таблицы); он действительно представляет собой основную единицу коммуникации, формируемую единицами нижележащих уровней и в свою очередь участвующую в формировании вышележащих уровней. Каждый отдельный текст входит в какую-нибудь отрасль знания и создает *область текстов*, а если говорить о совокупном знании о мире, то этому знанию в языке соответствует уровень *вся совокупность текстов*. Названный Г.В. Колшанским таким образом высший языковой уровень интересовал в 60-70-е годы XX века многих исследователей: И.А. Михайлова, И.А. Черного, Е.С. Гиляровского. Чуть позже Ю.В. Рождественский заговорил о «тексте массовой информации» [10, с. 167], охарактеризовав его как недостаточно изученный. «Текст массовой информации, благодаря применяемой технике, двигается как бы в обход старых институтов письменной речи – почты, библиотеки, архива, канцелярии, школы. Эти институты используются тогда, когда в массовую информацию включается письменный текст. Так,

газета может доставляться подписчикам по почте, храниться в библиотеке и архиве. Но основной массив массовой информации – кино, телевидение, радио – достигает потребителя благодаря технике» [10, с. 165]. Сегодня к кино, телевидению и радио добавился Интернет, принесший с собой понятие *гипертекст*. Компьютерную сеть действительно можно считать гигантским гипертекстом, автор которого человечество. В информатике гипертекст – это система, позволяющая распоряжаться набором информации так, чтобы к ней можно было получить доступ в любой последовательности. Но вернемся к понятию *текст*. Важнейшим обстоятельством для его выделения как самостоятельной единицы действительно можно считать способность текста служить компонентом более крупного образования.

Текст – многопризнаковая единица, именно на многопризнаковости и на способности быть компонентом более крупного образования основывается его включение в так называемые текстовые парадигмы: «Аналогично тому, как отдельные признаки ряда лексических единиц позволяют формировать их различные парадигматические объединения, в совокупностях текстов также обнаруживаются общие формальные и содержательные компоненты, дающие основание для парадигматического объединения целых текстов, т. е. для образования **текстовых парадигм**» [6, с. 81]. В.А. Кухаренко продолжает проводить аналогию с языковыми парадигмами и говорит о формоизменяемых парадигмах текстов, в которых (как, например, в падежном словоизменении) сохраняется содержание при варьировании формы: исходный научный текст, его аннотация, тезисы, реферат, обзор. Как член парадигмы, текст включается в качестве составной части в понятие более высокого порядка – жанр, функциональный или индивидуально-художественный стиль. На наш взгляд, не только художественный текст может входить в выделенные В.А. Кухаренко парадигмы.

Жанр предполагает, прежде всего, определенную структуру текста (композицию) и объем, может влиять и на отбор языковых средств. Пример жанровой парадигмы был приведен выше: исходный научный текст, его аннотация, тезисы и т. д. Функциональный стиль диктуется ситуацией общения, именно она является основанием для использования в тексте определенных языковых средств. Например, автобиография как прозаический жанр и автобиография как деловой документ составляют стилистическую парадигму. Автобиография – достаточно широко распространенный

прозаический жанр, который близок к мемуарам, но больше сосредоточен на личности и внутреннем мире автора. Наиболее известные в русской литературе автобиографические произведения – это трилогии Л.Н. Толстого и М. Горького, романы С.Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», тетралогия Н.Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры», повесть А.Н. Толстого «Детство Никиты», роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Об этом романе Д.С. Лихачев писал: «Перед нами род автобиографии, в которой удивительным образом отсутствуют внешние факты, совпадающие с реальной жизнью автора. <...> автор (Пастернак) пишет о самом себе, но пишет как о постороннем, он придумывает себе судьбу, в которой можно было бы наиболее полно раскрыть перед читателем свою внутреннюю жизнь» [7, с. 5]. Автобиография как документ принадлежит к официально-деловому стилю, имеет определенную композицию и предполагает достаточно жесткий отбор языковых средств. В ней нет необходимости (а точнее нельзя, т. к. этого требует стиль) раскрывать свою внутреннюю жизнь. В индивидуально-авторскую парадигму следует включать все произведения одного автора, причем автор, на наш взгляд, может и не быть писателем. Каждый человек обладает языковой способностью, и тексты, которые он создает, могут быть самыми разнообразными. Создание текста – это всегда творческий процесс, исключение составляют только некоторые жанры официально-делового стиля.

Еще одним важным обстоятельством для правомерности выделения текстового уровня можно считать возможность моделирования текста. Модель может служить основанием для создания текстов (например, заявлений), подобно тому, как модель предложения дает множество предложений. В лингвистике типы предикативных единиц, выделенные по их семантической структуре, называются семантическими моделями предложений. Огромный вклад в семантический синтаксис внесли его создатель Ф. Данеш, Н.Д. Арутюнова, Т.П. Ломтев, О.И. Москальская, Н.Ю. Шведова. Но до сих пор не выявлен конечный список семантических моделей, хотя важность исследований в этой области очевидна. Большое количество моделей выделила Г.А. Золотова: отношения, восприятия, соответствия, оценки, сравнения и т. д. [4]. Мы рассмотрим самую элементарную S+P+O, где S – субъект, P – предикат, O – объект (иногда субъект называют агенсом, а объект – пациенсом) По этой модели можно составить множество предложений: *Мама*

смотрит телевизор, Папа чинит утюг, Девочка читает книгу, Мальчик рисует машину и т. д. Как и данная модель предложения, официально-деловой и научный стили дают многочисленные примеры моделируемых текстов. Во второй половине двадцатого века (в начале 70-х годов) появилась работа С.И. Гиндина [см. 6, с. 81], в которой он предложил классифицировать все тексты по трем типам моделируемости: 1) жесткие; 2) узуальные; 3) свободные. К жестким текстам можно отнести заявления, аннотации; к узуальным – рецензии, диссертации, спортивные репортажи, т. е. не только тексты официально-делового и научного стиля, но и отчасти публицистического; свободные тек-

сты – художественная литература и публицистика. Первые попытки моделирования текста связаны с именем В.Я. Проппа, опубликовавшего свои известные работы «Морфология сказки» и «Трансформация волшебной сказки» еще в 1928 году, т. е. задолго до появления семантического синтаксиса. Пропп выделил в сказках несколько десятков действий и свыше ста субъектов и объектов действий, в их комбинации вписывается любая сказка.

Из различных примеров видно, что текст доступен для самостоятельного изучения, а в «Курсе общей лингвистики» читаем: «Язык, отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению» [12, с. 52].

Список использованной литературы:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. Ч.2. М., 1965.
4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
5. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.
7. Лихачев Д.С. Размышления над романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» / Новый мир. – 1988, №1.
8. Ломтев Т. П. Язык и речь, в его кн.: Общее и русское языкознание. М., 1976.
9. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987.
10. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979.
11. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). М., 1973.
12. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики, в его кн.: Труды по языкознанию. М., 1977.